

**«Выбрав из войска храбрецов и бойцов,
прорывающих ряды...».
К вопросу о некоторых особенностях тактического
искусства Амира Тимура**

Л. А. Бобров

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности тактики армии Амира Тимура, а также их влияние на развитие военного искусства мусульманского Востока. Установлено, что Тимуру удалось эффективно использовать мобилизационный потенциал своего государства. Из оседлого населения Хорасана и Мавераннахра были созданы подразделения пеших лучников, обученных сражаться под прикрытием больших станковых щитов-*чапаров*. В свою очередь, лояльные племена кочевников исправно поставляли в войска Тимура кавалерийские подразделения. Основой боевого построения был тактический «каркас» из усиленных *канбулов*, мощного авангарда и резерва, составленного из отборных воинов. Такой боевой порядок позволял эффективно противостоять охватам и фронтальным атакам противника. Кроме того, данное боевое построение было приспособлено и для быстрого перехода от обороны к массовой контратаке, проводимой силами авангарда и *канбулов*, выдвинутых в сторону противника. Уязвимость ослабленных фланговых корпусов частично компенсировалась за счет применения стрелковых пехотных подразделений, к которым присоединялись спешенные конные лучники. Концентрированный лучной удар, как правило, останавливал атаку противника и создавал условия для перехода в контрнаступление. Важную роль играла организационно-тактическая автономность корпусов-*кулов*, которые могли самостоятельно вести бой даже в условиях прорыва фронта и окружения. Спешившись и прикрывшись щитами, воины атакующего корпуса могли продержаться до подхода деблокирующего отряда. Мобильный резерв, находящийся под личным командованием Тимура, мог быть использован как для отражения вражеской атаки, так и для усиления наступающего прорыва войск.

Ключевые слова

Армия Тимура, тактическое искусство Тимура.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Бобров Л. А. «Выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды...». К вопросу о некоторых особенностях тактического искусства Амира Тимура // *Universum Humanitarium*. 2021. № 1. С. 17–40

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

"Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...". On Some Peculiar Aspects of Amir Timur's Tactical Art

L. A. Bobrov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

This article revises the peculiarities of Amir Timur's army tactical peculiarities, as well as their influence on the development of martial art of the Muslim East. It is established that Timur effectively used the mobilization potential of his state. The sedentary population of Chorasa and Transoxiana formed the infantry archery units who were taught to fight under cover of large standing shields - chapars. At the same time, loyal nomad tribes were the source of horse cavalry for the Timur's army. The base of battle formation was represented by a tactical "skeleton" formed of forced kanbuls, powerful advance guard and a reserve (that included elite warriors). Such battle formation allowed Timur to effectively face outflanking and frontal attacks of the enemy. Besides, such battle formation also fit for quick shift from defense to massive counterattack, performed by advance guard and kanbuls projected towards the enemy. The vulnerability of weakened flank corps was partially compensated by using infantry archery units with support of dismounted archers. As a rule, massive archery attack stopped the enemy's attack and provided for counterattack. The organizational and tactical autonomy of kul corps, which could embattle independently even if there was a front breakthrough or encirclement, played an important role. Dismounted, enshielded warriors of the corps could repulse the attacks until the deblocking unit approaches. A fast-moving reserve under Timur's personal command could be used for both repulsing an attack and augmenting the advancing troops.

Keywords

Timur's army, Timur's tactical art.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Bobrov L. A. "Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...". On Some Peculiar Aspects of Amir Timur's Tactical Art // *Universum Humanitarium*. 2021. № 1. P. 17–40

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

Военное искусство Амира Тимура (1336–1405) по праву признается специалистами высшей стадией развития традиционного военного дела средневекового населения Мусульманского Востока.

Военно-культурное наследие великого завоевателя, а также его политических преемников и противников продолжает оставаться актуальным направлением современных научных исследований в Узбекистане, России, Великобритании, США и других странах [Gorelik, 1979. Р. 40–50, 60–63; Nicolle, 1990. Р. 3–63; Roux, 1991; Бобров, Худяков, 2002. С. 110–113, 143–147, 150; Ибяттов, 2003; Миргалеев, 2003. С. 3–88; Ру, 2004; Миргалеев, 2007. С. 3–108; Йазди, 2008. С. 3–10; Костюков, 2010. С. 172–183; Kadoi, 2010. Р. 143–162; Миргалеев, 2011. С. 170–182; Бобров, 2011. С. 21–24, 33, 34, 42, 44; Бобров, 2015. С. 111–134; Бобров, 2016б. С. 247–263; Бобров, 2018. С. 23–62; Бобров, Хайдаков, 2019. С. 125–145; Бобров, 2020. С. 108–119]. Однако профильная проблематика изучена весьма неравномерно: если военная история Тимура неоднократно привлекала внимание исследователей, то другие вопросы изучены в значительно меньшей степени. К их числу относится и тактическое искусство некоронованного владыки Мавераннахра¹.

Изучение тактики армий Амира Тимура и его преемников возможно на основе комплексного анализа письменных, вещественных и изобразительных источников. Основными письменными источниками по данной теме являются «Зафар-наме» («Книга Побед») Низам ад-Дина Шами (завершена в 1404 г.) и особенно «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (завершена в 1424–1425 гг.). Данные произведения содержат достаточно подробные описания походов и сражений Амира Тимура. Основой для обоих текстов «Зафар-наме» послужили «придворные дневники времен Амира Тимура», отчеты чагатайских военачальников, сообщения участников и современников описываемых событий, а также другие источники [Золотая Орда, 2003. С. 307, 367; Йазди, 2008. С. 3, 4]. Ценные сведения о военном деле чагатайской армии содержат также «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасадинна Али, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1405–1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, «Аноним Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (составлен в 1413–1414 гг.), сочинение «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» Шихабеддина

¹ Учитывая, что современная боевая практика существенно отличается от военных реалий эпохи Средневековья, особо оговорим, что здесь и далее под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, организация отступления, преследование войск отступающего противника, военные хитрости и др.

Ахмеда ибн Мухаммеда, более известного под именем Ибн Арабшаха (1388–1450), и некоторых других произведения.

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет всесторонне проанализировать тактическое искусство Амира Тимура, поэтому мы остановимся лишь на некоторых аспектах, связанных с особенностями боевого построения и тактических приемов чагатайской армии последней трети XIV – начала XV в.

Становление Тимура как полководца пришлось на начальный период распада Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, которая в XIII – первой половине XIV в. доминировала на просторах Евразии от восточноевропейских степей до Великой Китайской равнины и от южных районов Западной и Центральной Сибири до Ирана, Мавераннахра и Моголистана. Несмотря на некоторые кризисные явления, проявившиеся в середине XIV в., Имперско-Чингизидская модель военного искусства продолжала оставаться образцом для большинства степных народов Евразии и многих сопредельных территорий.

За полтора столетия, прошедших с момента Монгольского нашествия, представители оседлых народов тщательно изучили вооружение, военную организацию и тактику номадов, однако последние продолжали оставаться исключительно опасным противником, что наглядно продемонстрировали битвы на р. Пьяне (1377 г.), в Чуколакской степи (1387 г.), у р. Ворскла (1399 г.), сражение при Солхате (1432 г.), Тумуская битва (1449 г.) и др. При этом победы над кочевниками давались подчас весьма дорогой ценой (Куликовская битва 1380 г., Кондурчинское сражение 1391 г., битва у р. Терек 1395 г. и др.).

В этих условиях перед Тимуром стояли две важных задачи. Первая заключалась в том, чтобы максимально эффективно использовать имевшийся в его распоряжении мобилизационный ресурс, представленный как кочевым, так и оседлым населением Мавераннахра и сопредельных земель. Кроме того, защита и расширение границ государства были невозможны без выработки эффективных тактических схем противодействия коннице номадов на просторах Евразийской степи.

Доминирование кочевников в полевых сражениях XIII–XIV вв. основывалось на высокой мобильности, которую обеспечивал великолепный конский парк, массированном применении мощных сложносоставных луков (преимущественно «монгольского типа»

и их дериватов), эффективной военной организации, высоком уровне дисциплины, качественной системе управления войсками, а также весьма совершенных для своего времени тактических приемах ведения боя. Среди последних можно выделить *тулгаму*, *шиучи*, притворное бегство, цепи конных лучников, а также связанный с ними прием «Воронья стая» и др. [Бобров, 2013. С. 321–258; Кушкumbaев, Бобров, 2013. С. 5–47; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 210–388].

Наибольшую опасность для обороняющейся армии представляла *тулгaма* – тактический прием, который предусматривал охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям [Бобров, 2013. С. 237–241]. Охват фланга конными стрелками вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим, что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами с фронта, с фланга и с тыла. В случае необходимости номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах. Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из-под удара конницы противника, а затем снова возвращались на поле боя. При этом вражеские отряды, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смешению рядов и отступлению обороняющихся войск [Бобров, 2013. С. 237–241; Кушкumbaев, Бобров, 2013. С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 247–255].

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема, применявшихся кочевниками: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) *тулгaма* [Бобров, 2016а. С. 247–254]. Наиболее типичной являлась правофланговая *тулгaма*, при выполнении которой номады атаковали левое крыло противника своим правым флангом. Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево и влево-назад), что было бы затруднительно, если бы противник на-

ходился справа от атакующей конницы ². Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для обороняющегося врага, он осуществлялся левым флангом (левофланговая *тулгاما*) или двумя флангами одновременно (парная *тулгاما*). В последнем случае армия противника могла быть взята в кольцо [Бобров, 2013. С. 237–241; Кушкumbaев, Бобров, 2013. С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 247–255]. Следует также подчеркнуть, что *тулгاما* могла осуществляться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком.

Тактический прием *тулгاما*, исполняемый многочисленной и хорошо подготовленной степной конницей, блестяще работал и до Тимура и после него, в чем наглядно смог убедиться его потомок Захир ад-Дин Мухаммад Бабур в сражении с узбеками Мухаммеда Шейбани у Ходжа Кардзана в 1501 г. [Бобров, 2013. С. 237–241].

Исключительная боевая эффективность *тулгاما* вынудила военных теоретиков и практиков Европы и Азии начать поиски мер по противодействию данному маневру кочевников. Однако подобрать «противоядие» для *тулгамы* в рамках традиционной средневековой тактики оказалось крайне сложно. Опираясь на превосходство в мобильности и дистанционном бою, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел. В подобных условиях фронтальные атаки, фланговые прорывы, разворот фронта и некоторые другие тактические приемы, как правило, не приводили к желаемому результату (битвы на Ворскле в 1399 г., у Сыгнака в 1427 г., у Ходжа Кардзана в 1501 г., у Панипата в 1526 г. и др.).

Вместе с тем самые действенные в условиях развитого Средневековья приемы борьбы с *тулгамой* были сформулированы еще Плано Карпини в середине XIII в. Он, в частности, подчеркивал, что европейским полководцам, намеревающимся сразиться с монголами, следует располагать армию так, чтобы ее тыл и фланги были прикрыты лесом: «...с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы татары не могли проникнуть между войском и лесом (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.)» [Плано Карпини, 2008. С. 67]. Действительно, использование особенностей поля боя и рельефа местности, когда фланги обороняющейся армии были прикрыты густым лесом,

² Для стрельбы по противнику, находящемуся справа, конному лучнику пришлось бы удерживать лук правой рукой или изгибать корпус, оттягивая тетиву лишь до груди, а не до щеки или до уха.

болотом, рекой, горами, существенно сокращали эффективность *тулгамы*, а то и вовсе делали его реализацию невозможной. Грамотное расположение войск в таких условиях давало обороняющимся шанс опрокинуть кочевников в ходе фронтального сражения. Так, например, согласно версии М. Стрыйковского, именно прикрытые фланги и хитроумное шестичастное построение войск позволило князю Ольгерду избежать татарской *тулгамы* и, в конечном счете, выиграть битву на Синих водах в 1362 г. [Strykowski, 1846. Р. 6, 7]. В Куликовской битве 1380 г. лесистая местность максимально затруднила действия золотоордынской конницы. Последней (согласно традиционной версии сражения) все же удалось совершить правофланговую *тулгаму* и прорваться между русским полком левой руки и Зеленой дубравой. Однако подобная возможность была предугадана полководцами московской армии. Скрытый в Зеленой дубраве засадный полк нанес мощный удар во фланг и в тыл татарской коннице и тем самым решил участь битвы.

Тем не менее, несмотря на высокую эффективность, подобный способ защиты от *тулгамы* в наибольшей степени подходил для сражений на пересеченной местности. В условиях степного театра боевых действий он, как правило, был малоэффективен.

Плано Карпини понимал этот нюанс, поэтому предлагал альтернативный способ борьбы с маневрами кочевников: «Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда, ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине: отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» [Плано Карпини, 2008. С. 67]. Таким образом, Плано Карпини предлагал сочетать тактическую разведку с автономными корпусами, которые должны были действовать на опережение и перехватывать кочевников еще до того, как они замкнут кольцо окружения.

Однако сказать оказалось легче, чем сделать. Особенности военной организации большинства средневековых армий вкупе с низким уровнем дисциплины не позволяли основной массе европейских и азиатских полководцев воплотить идеи Плано Карпини в жизнь. К числу немногочисленных примеров успешной реализации подобной тактической схемы можно отнести боевую практику Амира

Тимура. Постоянно сталкиваясь с *тулгамой* кочевников, великий завоеватель разработал достаточно сложную, но эффективную тактическую комбинацию, основанную на сочетании малых караулов, усиленных фланговых авангардов (*канбулов*) и мощных автономных резервных корпусов³.

В задачи подразделений тактической разведки входила слежка за передвижениями войск кочевников. При первых признаках начала маневра *тулгана* воины караулов должны были сообщить об этом армейскому командованию. Главная роль в отражении маневра *тулгана* отводилась *канбулам*. Последние представляли собой особые войсковые соединения, расположенные на самом краю боевого построения армии – впереди и немного под углом к основным фланговым корпусам (рис. 1). Таким образом, на *канбулы* были возложены функции авангарда фланга и одновременно флангового охранения. Главной тактической задачей *канбулов* был перехват вражеских войск еще на подходе к главным чагатайским позициям, чтобы не позволить кочевникам совершить обходной маневр. Многочисленный тактический резерв страховал и поддерживал *канбулы* и фланговые группы на случай, если номадам все же удастся обойти или прорвать основную линию боевого построения чагатайских войск (см. рис. 1).

В литературе встречается мнение, что *канбулы* были впервые применены Тимуром в Кондурчинской битве в 1391 г. В действительности это не так. Еще в 1365 г. при сражении с кочевниками-моголами 29-летний Тимур и Хусайн-бек снабдили два своих *кула* фланговыми *канбулами* [Йазди, 2008. С. 38].

Отметим, что Амир Тимур не был изобретателем *канбулов*, но он существенно усилил их, что изменило традиционный баланс боевого построения чагатайской армии [Бобров, 2018. С. 27, 28]. Со временем *канбулы* в его войсках стали достигать столь внушительных размеров, что из флангового охранения/авангарда превратились

³ Очевидно, что данная идея Амира Тимура основывалась не на сочинении Плана Карпини, а на осмыслении собственной боевой практики, а также опыта своих предшественников. Тем не менее, значительный интерес представляет тот факт, что военные теории и практики разных регионов Евразии, поставленные перед задачей выработки тактических схем противодействия коннице кочевников, действующей в рамках Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, приходили к весьма схожим выводам. Принципиально новый способ борьбы с *тулгамой* будет предложен лишь в позднем Средневековье. Он будет основываться на сочетании действий конницы с полевой артиллерией и многочисленной пехотой, вооруженной огнестрельным оружием и укрывшейся за стенами «тележной крепости» – *вагенбурга, табора* и др. [Бобров, 2016а. С. 254, 255].

в самостоятельный армейский корпус-кул, способный решать важные тактические задачи [Бобров, 2018. С. 27, 28, 40–44]⁴. Так, левофланговый *канбул* в битве на Кондурче составляли целых два *тумена* всадников под командованием Бердибека и Худайдада [Бобров, 2018. С. 28]. Вероятно, схожую организацию и численность имел и правофланговый *канбул*, во главе которого стояли Хаджи Сейф ад-Дин и Джеханшах-бахадур [Бобров, 2018. С. 27, 28]. Наличие двух командиров в составе одного армейского корпуса позволяет предположить, что *канбул* был двухчастным, а формирующие его соединения могли располагаться в два эшелона, возможно, под углом друг к другу. Во всяком случае, в ходе Кондурчинской битвы упомянутый корпус Хаджи Сейф ад-Дина прервал левофланговую *тулгаму* золотоордынцев (см. рис. 2, а, 1,2), а Джеханшах-багатур смог выручить самого Хаджу Сейф ад-Дина, когда его войску стало грозить окружение (см. рис. 2, а, 3) [Бобров, 2018. С. 40, 41, 43, 44]. Части *канбула* вводились в бой последовательно, при этом резервная часть соединения страховала и поддерживала своих товарищей, уже вступивших в бой (см. рис. 2, 3).

В целом необходимо отметить, что предложенное Амиром Тимуром тактическое решение оказалось исключительно эффективным. Ни в одной битве последней трети XIV в., где были использованы усиленные *канбулы*, кочевникам не удалось охватить фланги чагатайской армии.

Будучи ключевым элементом защиты флангов в ходе оборонительного сражения, *канбулы* в то же время оказались весьма востребованы и при ведении наступательного боя. В этом случае *канбулы* находились на острие атаки, и, как показала боевая практика последней трети XIV – начала XV в., могли самостоятельно начинать и проводить описанный выше маневр *тулгана*, заключающийся в охвате флангов противника.

⁴ Кул – временное автономное оперативно-тактическое соединение (тактический корпус), создаваемое на период проведения сражения, похода, реже отдельной военной кампании. Высшая тактическая единица армии Тимура. Состоял из отдельных отрядов – *кошунов*. Численность воинов, составляющих *кул*, могла существенно варьироваться. По данным М.В. Горелика, *кул* традиционно насчитывал от 1 тыс. до 8 тыс. бойцов [Горелик, 2002. С. 31]. В Кондурчинской битве третий (резервный *кул*) состоял из 20 кошунов, а седьмой *кул* (левофланговый *канбул*) из двух *туменов* (максимум 20 тыс. воинов).

Другим важным тактическим нововведением Тимура был усиленный авангардный *кул* (*Манглай*⁵). Согласно распространенной боевой практике номадов, авангардные части обычно формировались из легких конных лучников. Они завязывали сражение, «размягчали» боевые порядки противника интенсивной лучной стрельбой, провоцировали его на неподготовленную атаку. Амир Тимур изменил подобную схему весьма радикальным образом. Авангард его армии стал состояться из отборных (в том числе элитных) хорошо вооруженных подразделений, способных эффективно вести не только дистанционный, но и ближний бой. Так, например, в Кондурчинской битве 1391 г. авангардный *кул* Тимура состоял из *харавула*⁶ под командованием Осман-бахадур, гвардии чагатайского хана (формального правителя государства) Султан-Махмуда ибн Суюргатмиша⁷ и элитного *тумена* Сулейман-шаха [Бобров, 2018. С. 25, 30, 32, 33]. Последний являлся также командиром всего авангардного *кула* [Золотая Орда, 2003. С. 298, 347, 370; Йазди, 2008. С. 147, 403; Бобров, 2018. С. 25, 30]. Описывая этот «царский» *кул*, Шараф ад-Дин Али Йазди подчеркивает, что он «...весь состоял из людей боевых и храбрецов, владеющих мечом», его воины «...все были бахадурами с известными именами» [Золотая Орда, 2003. С. 347; Йазди, 2008. С. 147].

Подобный усиленный авангардный *кул* выполнял в сражении роль тактического «волнореза», о который разбивались атакующие «волны» легких лучников кочевников⁸. Он не позволял номадам приблизиться к центру боевого построения чагатайской армии, что резко снижало потенциал фронтальной атаки противника (см. рис. 1, 2).

⁵ Под таким названием чагатайский авангард фигурирует в тюркском списке «Зафар-наме» [Йазди, 2008. С. 144, 267, 366, 367].

⁶ *Харавул* – передовой отряд. Аналогом *харавула* в русском военном искусстве был «сторожевой полк».

⁷ В тексте «Зафар-наме» ханская гвардия фигурирует как «Войско Султан Махмуд-хана» [Золотая Орда, 2003. С. 370; Йазди, 2008. С. 142]. Установить точную численность «гвардейского «войска» в Кондурчинской битве затруднительно. Возможно, что, как и в случае с гвардейским *кошуном* самого Тимура, ханский отряд насчитывал 1 тыс. воинов. Однако в сообщении Йазди, посвященном событиям военной кампании 1389 г., упоминается «туман Султана Махмуд-хана» [Йазди, 2008. С. 136]. Не исключено, что и в походе 1391 г. были задействованы части данного «ханского» *тумена*, кроме тех отрядов, которые остались в Мавераннахре в качестве охраны дворца номинального главы государства.

⁸ Характерно, что в упомянутой Кондурчинской битве кипчакский *кошун* Осман-бахадур смог опрокинуть три противостоявших ему золотоордынских *кошуна*.

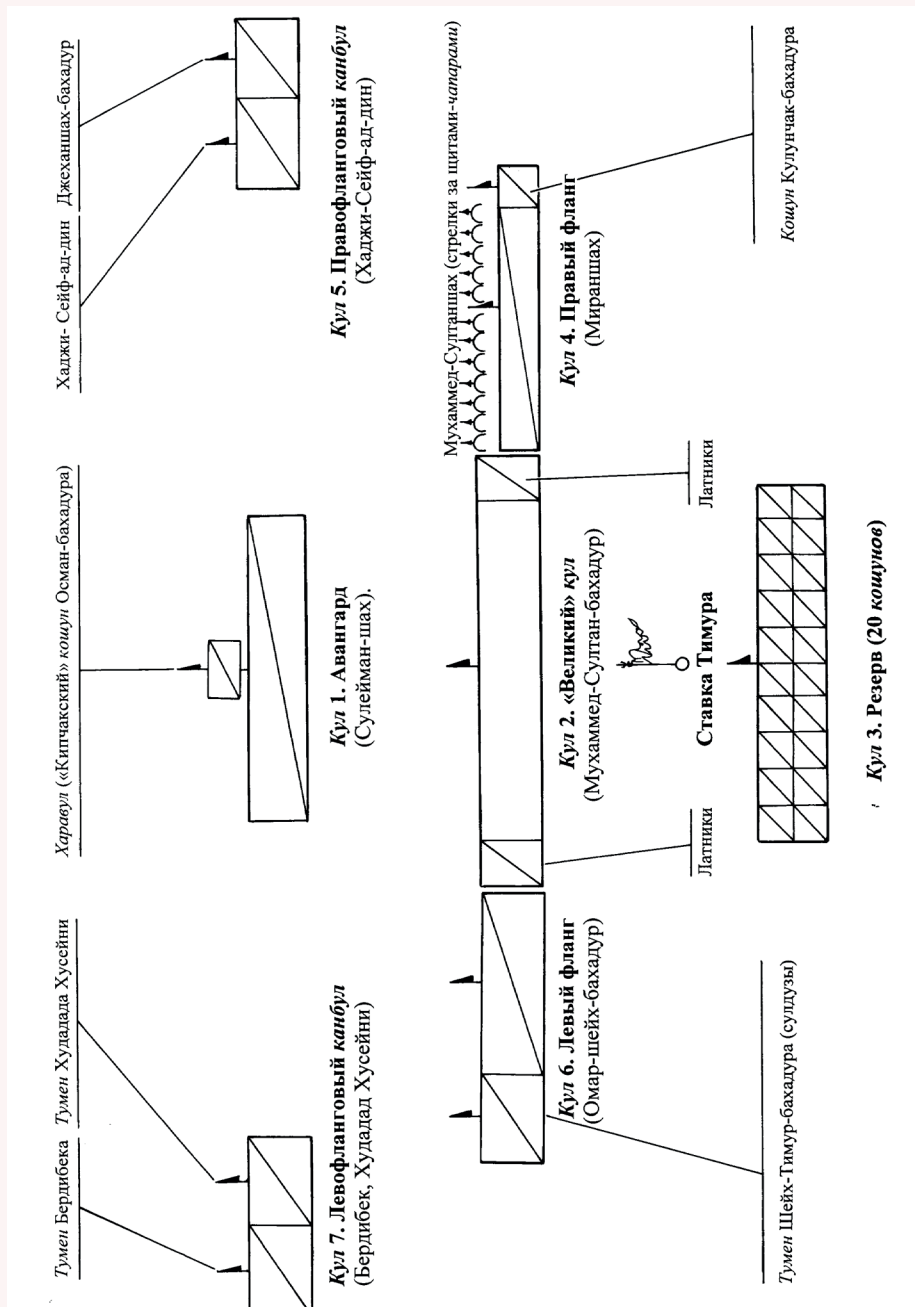

Рис. 1. Боевой порядок армии Амира Тимура в Кундурчинской битве (1391 г.). Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.
 Рис. 1. Order of battle of Amir Timur's army in the Battle of Kundurchin (1391). Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

Третьей важной особенностью боевого построения армии Амира Тимура был мощный тактический резервный корпус-кул (см. рис. 1–3). Обычно исследователи подчеркивают его многочисленность. Так, например, чагатайский резерв в битве под Кондурчой составляли 20 *кошунов*, в битве у р. Терек – 27 *кошунов*, сражении при Анкаре – 40 *кошунов*. Однако, зная среднюю численность *кошуна*, сложно назвать резервный *кул* очень многочисленным. На наш взгляд, сила резервного *кула* была обусловлена не столько его численностью, сколько качеством составляющих его воинов, а также тактическими особенностями применения данного корпуса. Шараф ад-Дина Али Йазди сообщает, что в Кондурчинской битве: «20 *кошунов* людей отважных, *выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды*, он [Тимур] оставил при себе и стал *отдельно позади главного корпуса* с тем, чтобы во время самого разгара сражения, когда храбрецы с обеих сторон схватятся друг с другом, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу» [Золотая Орда, 2003. С. 347, 348; Бобров, 2018. С. 26, 28].

Подобное описание позволяет предположить, что резервный *кул* был составлен из отборной тяжеловооруженной (?) конницы «*бахадуров, прорывающих ряды*». В состав резервного *кула*, вероятно, входил и *кошун кавчинов* («из рода особой тысячи») – личная гвардия Тимура [Йазди, 2008. С. 165, 410, 411; Бобров, 2018. С. 26, 28]. Резерв находился под его непосредственным командованием и располагался позади центрального («великого») корпуса (*Улуг-кул*). Это было элитное ударное соединение, способное в решающий момент оказать помощь чагатайским войскам на любом участке сражения [Бобров, 2018. С. 26, 28].

Концентрация отборных подразделений в составе *канбулов*, авангарда и резерва формировала надежный каркас боевого построения, практически ликвидируя опасность флангового охвата и, в меньшей степени, фронтального прорыва центра. Однако у данного тактического решения имелись и уязвимые стороны. Усиливая *канбулы* и авангард, Тимур невольно ослаблял центральный корпус и особенно фланги. И если *Улуг-кул* был прикрыт мощным авангардом-*мангалаем*, то фланговым *кулам* в случае массивной фронтальной атаки противника грозила немалая опасность. Характерно, что именно левофланговые корпуса будут прорваны золотоордынскими войска-

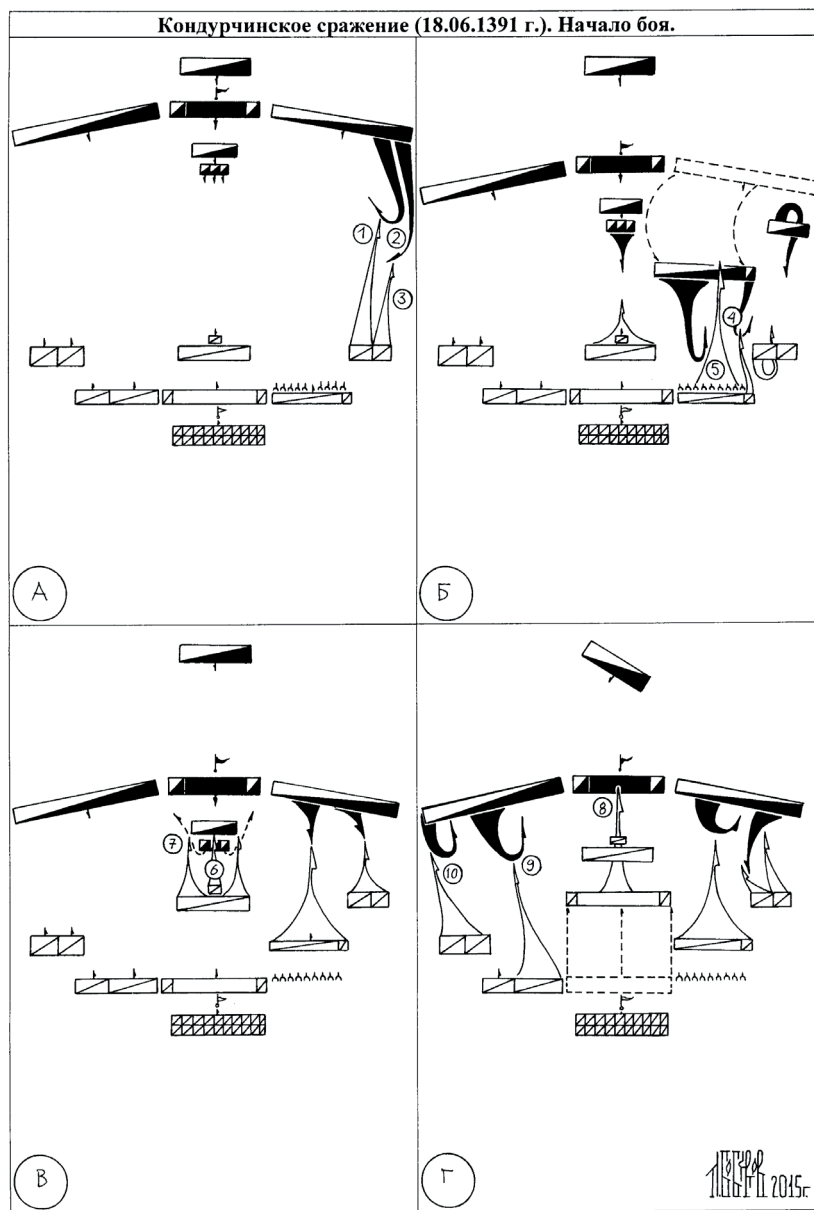

Рис. 2. Кондурчинское сражение. Начало боя.

Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.

Рис. 2. Battle of Kondurchin. The beginning of the battle.

Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

ми, как в сражении на Кундурче в 1391 г. (см. рис. 3), так и на Тереке в 1395 г.

Амир Тимур осознавал указанные риски и предпринял ряд мер, которые должны были уменьшить опасность прорыва флангов. Первым ответом стал резкий рост значения ведения оборонительного боя в пеших порядках. Это достигалось как увеличением численности и качества собственно пехотных (преимущественно стрелковых) контингентов, набранных из числа оседлого населения Мавераннахра и Хорасана⁹, так и внедрением практики массового спешивания кавалерийских подразделений.

Подчеркнем, что Амир Тимур не был изобретателем практики спешивания конных лучников в ходе сражения. Данная тактика применялась хуннами, сяньби, древними тюрками, сеяньтосцами и другими народами Великой степи еще в эпоху поздней Древности и раннего Средневековья [Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11–13; Бобров, 2016а. С. 281]. Весьма заметное место она занимала и в военной практике монголов XIII в. Об искусстве пешей лучной стрельбы воинов Чингиз-хана и его преемников свидетельствуют как европейские (Плано Карпини, Марко Поло), так и азиатские авторы (Пэн Да-я, Сюй Тин, составители «Юань ши» и др.) [Золотая Орда..., 2009. С. 70; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11–13].

Однако своего наивысшего развития рассматриваемая боевая практика достигла именно в военном искусстве Амира Тимура. Чагатайские воины второй половины XIV – начала XV в. научились эффективно сочетать массированную пешую стрельбу со стремительным кавалерийским натиском, что неоднократно приносило им победы как в относительно небольших авангардных и арьергардных боях, так и в масштабных полевых сражениях. В большинстве случаев спешенные лучники применялись для отражения вражеской атаки. Концентрированный лучной удар останавливал порыв вражеских войск и создавал предпосылки для осуществления контратаки, проводившейся силами кавалерийских подразделений. Объектом массированной стрельбы пеших и спешенных лучников могла быть как конница, так и пехота противника, причем в ходе сражения пешие и конные лучники взаимодействовали друг с другом.

⁹ Данный факт существенно отличал армию Тимура от монгольских войск XIII в., в которых пехота набиралась из покоренных народов и почти всегда играла вспомогательную роль.

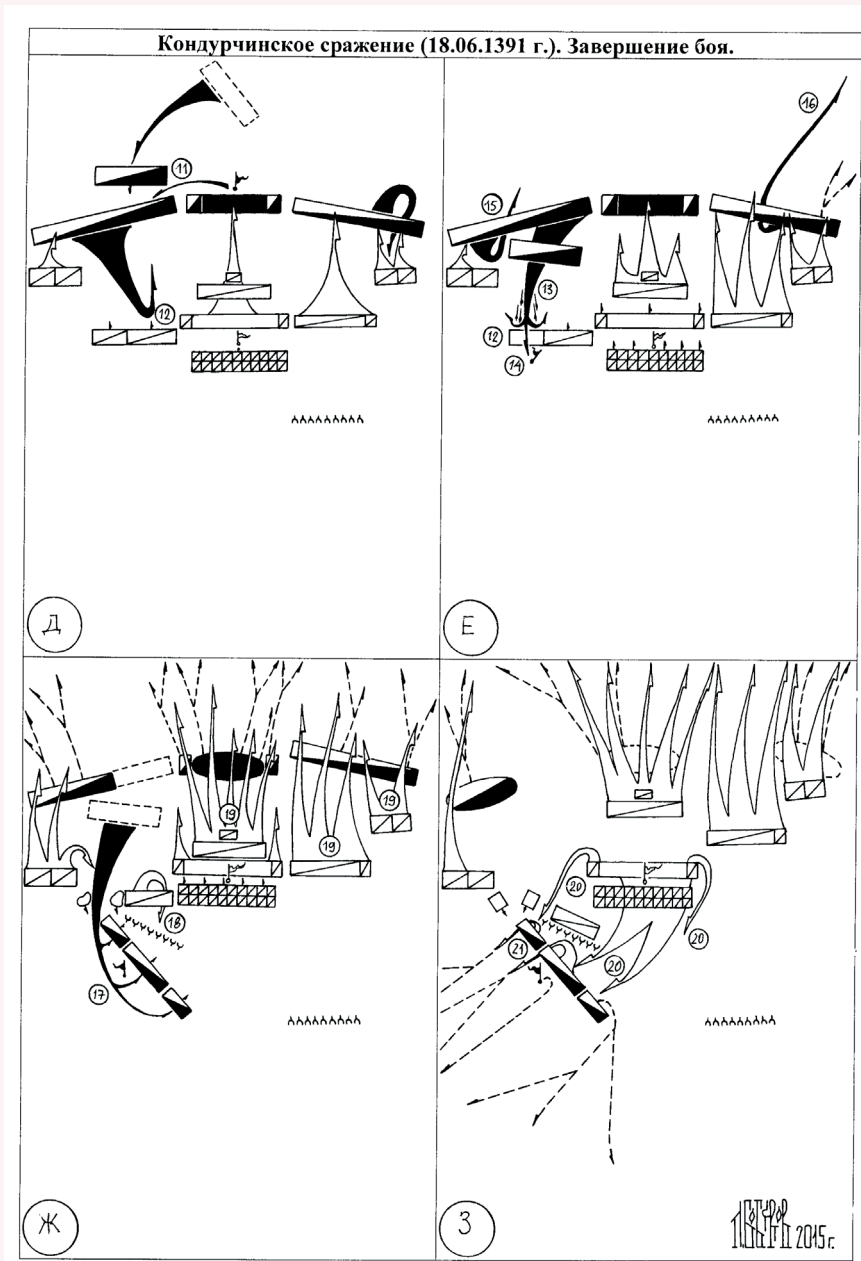

Рис. 3. Кондурчинское сражение. Завершение боя.
 Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.
 Рис. 3. Battle of Kondurchin. End of the battle.
 Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

Вероятно, самым ранним примером использования подобной тактики Тимуром является сражение в Куббаи Матинг в 1364 г. Впоследствии ее активно и успешно применяли полководцы великого завоевателя: Джеханшах-багатур, Сулейманшах-бек, Ядгар барлас, Шам ад-Дин Аббас и Гияс ад-Дин Тархан и др.

Интересно, что спешивание конных лучников использовалось не только для ведения боя от обороны, но в некоторых случаях даже при преследовании отступающего противника. Так, например, в 1393 г. небольшой чагатайский отряд, применяя тактику спешивания и лучной стрельбы, эффективно преследовал гораздо более многочисленного врага, противодействуя его попыткам контратаковать в конном строю: «Ийбадж Оглан из рода Джучи, Джалал Хамид, Усман Бахадур, Шайх Арслан, Саййид Ходжа, сын Шайх Али Бахадура, и другие беки туменов и бахадуры, – всего сорок пять человек, в воскресенье двадцать второго дня месяца (31.08.1393) в степи Кербелы догнали Султан Ахмада. Те сорок пять человек все были беки и бахадуры, и их кони были уставшими. С Султан Ахмадом было две тысячи человек. Из них двести повернули назад и, обнажив сабли, вступили в бой с этими. *Беки сошли с коней, взяли в руки луки со стрелами и ударами стрел отогнали их*, и сели на коней, и стали заново преследовать врагов. Те опять вернулись, чтобы сразиться. *А беки опять сошли с коней и стрелами отогнали врагов*» [Йазди, 2008. С. 171, 172].

Для защиты спешенных воинов от стрел противника использовались круглые ручные щиты, крепившиеся кожаными ремнями на левом предплечье. Еще более надежную защиту обеспечивали большие щиты *чапар* и *тура*, за которыми стрелок мог укрыться почти целиком. Последний факт существенно снижал эффективность стрельбы атакующих конных лучников противника, которые, в свою очередь, являлись превосходной мишенью для обороняющихся пеших и спешенных стрелков [Бобров, Худяков, 2008. С. 500–503, 509; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11, 13; Бобров, 2018. С. 26, 27, 50].

Во время Кондурчинской битвы 1391 г. впереди правого флангового кула Мираншаха были выстроены подразделения пеших (спешенных?) воинов, снабженных станковыми щитами: «На правом крыле он [Тимур] выстроил другой корпус, увенчав его победным знаменем мирзы Мираншаха; впереди находился царевич Мухаммед-Султаншах, *готовый к бою с окопными щитами и турами*» [Золотая Орда..., 2003. С. 348]. Возможно, что именно наличие спешенных стрелков

вынудило золотоордынцев отказаться от прорыва правого фланга чагатайской армии.

В сражении у р. Терек в 1395 г. для защиты ставки Тимура чагатайские воины спешивались и отбивали атаки золотоордынской конницы с помощью лука и стрел. Так как станковых щитов под рукой в этот раз не оказалось, пешие стрелки использовали в качестве защиты деревянные борты трех захваченных арб. Один за другим отряды армии Тимура подходили к месту схватки, спешивались и открывали стрельбу по противнику. В том же сражении у р. Терек оборонительный лучной бой, но уже с применением щитов, вел и правофланговый *канбул* армии Тимура, которым командовал Хаджи Сейф ад-Дин. Интенсивный лучной бой под прикрытием щитов позволил спешенным воинам Хаджи-Сейф-ад-дина продержаться до похода корпуса Джеханшах-бахадур. Координируя действия своих *туменов*, военачальники Тимура отбили атаку ордынцев [Бобров, 2015. С. 123, 125; Бобров, 2016б. С. 255, 256].

Описанная боевая практика неоднократно приносила успех войскам Тимура и его полководцев, однако в случае значительного перевеса противника построения пеших и спешенных лучников могли быть прорваны. Так, например, в Кундурчинском бою элитная конница хана Тохтамышша после серии атак сумела опрокинуть *тумен сулдузов* (рис. 3, е, 12–14, ж, 17).¹⁰ И здесь мы должны зафиксировать еще одну особенность тактического и организационного гения Амира Тимура – автономность армейских корпусов-*кулов*. Каждый из них мог вести бой самостоятельно, в том числе в окружении. Для этой цели в состав *кула* могли включаться как кавалерийские, так и пехотные подразделения, что обеспечивало гибкость действий корпуса на поле боя. Крупнейшие *кулы* могли выделять из своего состава специальные фланговые отряды, превращавшие *кул* в самостоятельное боевое построение внутри общих боевых порядков армии¹¹.

¹⁰ В упомянутом прорыве участвовала военная элита Золотой Орды во главе с самим Тохтамышем «в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов», а также «...всеми, у кого была имя и честь». Сулдузский *тумен* Шейх-Тимур-бахадур встретил наступающих ордынцев ливнем стрел. Однако «храбрецы» Тохтамышша иступленно, «ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и метательными копьями повторяли свои атаки», одна из которых и увенчалась успехом [Золотая Орда..., 2003. С. 349; Бобров, 2018. С. 53].

¹¹ Традиция снабжать центральный корпус специальным фланговым охранением сохранилась в боевой практике многих мусульманских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Так, например, она фиксируется у крымских татар середины XVII в. [Бобров, 2016а. С. 329–321].

Важную роль в повышении боеспособности вооруженных сил Мавераннахра играли и особенности военной организации армии Тимура. Высший командный состав чагатайских войск был тщательно подобран и воспитан самим великим завоевателем. Преданность Тимуру сочеталась у командиров *кулов* с личным мужеством, тактическим мастерством и значительным боевым опытом. При этом инициатива и взаимовыручка военачальников в ходе сражения всемерно поощрялись некоронованным владыкой Средней Азии, что создавало особый дух доверия и товарищества среди высшего командного состава его армии [Бобров, 2016б; Бобров, 2018; Бобров, 2020]. В результате командиры обороняющихся корпусов были уверены в том, что они получают поддержку от соседних *кулов* и *кошунов*. В свою очередь, они были готовы в нужный момент прийти на помощь своим соседям по боевому построению. В этих условиях прорыв фронта, как правило, не приводил к панике и бегству обороняющихся войск, как это было во многих других армиях рассматриваемого периода.

В связи с этим весьма показательны действия чагатайских войск в вышеупомянутом сражении с золотоордынцами на Кондурче. В самый разгар битвы хан Тохтамыш прорвал левый фланг среднеазиатской армии, развернул свои отряды, выстроил «в строгом порядке центр и крылья» и приготовился атаковать чагатаев с тыла (рис. 3, е, ж). Однако тут же выяснилось, что левофланговый *кул* армии Тимура отнюдь не собирается разбежаться. Его командир Омар-шейх действовал быстро и жестко. Он хладнокровно развернул часть своего корпуса лицом к ордынцам, выдвинул вперед спешенных стрелков со станковыми щитами и «зажег огонь сражения», контратаковал врага: «...пошел напротив Токтамышша; [его воины] *прикрыли головы щитами и турами* и стали биться» [Йазди, 2008. С. 148]. В результате Омар-шейху удалось отбить все атаки золотоордынцев и даже потеснить армию Тохтамышша еще до подхода главных сил Тимура [Бобров, 2015. С. 128]. Тохтамыш был вынужден принять бой, так как оставлять за спиной настолько активного противника было крайне опасно (см. рис. 3, ж). В результате Омар-шейх дождался подхода других чагатайских войск, после чего золотоордынцы отступили (см. рис. 3, з).

Подводя итог, отметим, что Амиру Тимуру удалось максимально эффективно использовать мобилизационный потенциал своего государства. Из оседлого населения Хорасана и Мавераннахра были созданы подразделения пеших лучников (а позднее и арбалетчи-

ков), обученных сражаться под прикрытием больших станковых щитов-*чапаров*. В свою очередь, лояльные племена кочевников исправно поставляли в войска Тимура многочисленные и хорошо вооруженные кавалерийские подразделения. Тщательно продуманное боевое построение, основой которого являлся тактический «каркас» из усиленных *канбулов*, мощного авангарда и резерва (составленного из отборных воинов), позволяло эффективно противостоять охватам и фронтальным атакам противника. При этом данное боевое построение было приспособлено для быстрого перехода от обороны к стремительной массивированной контратаке, проводимой силами авангарда и *канбулов*, выдвинутых в сторону противника. Уязвимость ослабленных фланговых корпусов частично компенсировалась за счет применения стрелковых пехотных подразделений, к которым присоединялись спешивавшиеся конные лучники. Концентрированный лучной удар стрелков, как правило, останавливал атаку противника и создавал условия для перехода в контрнаступление. Исключительно важную роль играла организационно-тактическая автономность корпусов-*кулов*, которые могли самостоятельно вести бой даже в условиях прорыва фронта и окружения. Спешившись и прикрывшись щитами, воины атакованного корпуса могли продержаться до подхода деблокирующего отряда. В условиях данной тактической схемы мобильный резерв, находящийся под личным командованием Амира Тимура, мог быть использован как для отражения вражеской атаки, так и для усиления наступающего порыва войск.

В целом необходимо признать, что тактическое искусство Амира Тимура заметно превосходило достаточно простую по содержанию тактику европейских полководцев второй половины XIV – начала XV в. Прямые столкновения чагатайских войск с армиями Золотой Орды, Делийского султаната, Мамлюкского Египта и Османской империи подтвердили исключительную эффективность военной машины Мавераннахра. Не будет большим преувеличением сказать, что в конце XIV – начале XV в. армия Амира Тимура являлась самой боеспособной и грозной вооруженной силой Евразийского континента, а значит, и всего мира.

Список литературы

Бобров Л. А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV – XIX вв.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV – XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Сб. ст. СПб., 2013. Ч. I. С. 231–258.

Бобров Л. А. Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Золотая Орда: история и культурное наследие: Сб. ст. Астана, 2015. С. 111–134.

Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016а. Спец. вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388 URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (Дата обращения: 28.03.2016).

Бобров Л. А. Джеханшах-бек – великий «бахадур» на службе Амира Тимура (к вопросу о высшем командном составе среднеазиатского завоевателя) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Сб. ст. СПб., 2016б. Ч. I. С. 247–263.

Бобров Л. А. Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркол. исслед. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.

Бобров Л. А. К вопросу о высшем командном составе армии Амира Тимура в начале 90-х гг. XIV в. // Очерки по истории государственности: политика, экономика, культура: Сб. ст. Ташкент, 2020. С. 108–119.

Бобров Л. А., Сальников А. В. Тактический прием «тулгана» в военном искусстве монголов XIII в. // Былые годы. 2015. № 4. С. 786–797.

Бобров Л. А., Хайдаков К. С. «Тимуридская» сабля из Самарканда // Вестн. НГУ. Серия: История, Филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 125–145.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело nomadов Северной и Центральной Азии: Сб. ст. Новосибирск, 2002. С. 106–168.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневеко-

вья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: ООО Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. Т. 1. 448 с.

Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М.: Наука, 2009. Т. 3. 336 с.

Ибяттов Ф. М. Тохтамыш и Тимур. Значение болгаро-татарского фактора в крупнейшей военной эпопее XIV века. Казань: Искусство России, 2003. 403 с.

Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент: SANAT, 2008. 486 с.

Костюков В. П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 172–183.

Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени: Сб. ст. Астана, 2013. С. 5–47.

Миргалеев И. М. Войны Тохтамыш-хана с Аксаком Тимуром. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 88 с.

Миргалеев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 108 с.

Миргалеев И. М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения: Сб. ст. Казань, 2011. С. 170–182.

Плано Карпини. История монголов. М.: ТАУС, 2008. 96 с.

Ру Ж.-П. Тамерлан. М.: Мол. гвардия, 2004. 296 с.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. 1979. P. 38–63.

Kadoi Y. On the Timurid Flag // Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie. Band 2. 2010. P. 143–162.

Nicolle D. The Age of Tamerlane. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1990. 63 p.

Roux J.-P. Tamerlan. Paris: Fayard, 1991. 304 p.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. 572 p.

References

Bobrov L. A. Osnovnye napravleniya evolyutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Tsentral'noi, Srednei i kontinental'noi Vostochnoi Azii vtoroi poloviny XIV – XIX vv.: dokt. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.).

Bobrov L. A. Kazakhskaya taktika vedeniya boya v konnom stroyu v kontse XV – XVI vv. In: Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Ch.I. SPb: VIMAIViVS, 2013, pp. 231–258

Bobrov L. A. Komandnyi sostav armii Amira Timura v Kondurchinskoi bitve 1391 g. In: Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie. Astana: IP BG-PRINT Publ., 2015, pp. 111–134.

Bobrov L. A. Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV – serediny XVII vv. [Elektronnyi resurs]. In: Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015. 2016a. Ch.II. pp. 210–388. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (Accessed: 28.03.2016).

Bobrov L. A. Dzhekhanshakh-bek – velikii «bakhadur» na sluzhbe Amira Timura (k voprosu o vysshem komandnom sostave sredneaziatskogo zavoevatel'ya). In: Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Ch.I. SPb: VIMAIViVS, 2016b, pp. 247–263.

Bobrov L. A. The commanders of the Chagatai army of Amir Timur in the Battle of Kondurchin in 1391. *Turkological studies*, 2018, Vol. 1, № 3, pp. 23–62.

Bobrov L. A. K voprosu o vysshem komandnom sostave armii Amira Timura v nachale 90-kh gg. XIV v. In: Ocherki po istorii gosudarstvennosti: politika, ekonomika, kul'tura. Tashkent: TURON-IQBOL Publ., 2020, pp. 108–119.

Bobrov L. A., Sal'nikov A. V. The tactical method of "tulgam" in the military art of the Mongols of the 13th century. *Bylye gody*, 2015, № 4, pp. 786–797.

Bobrov L. A., Khaidakov K. S. "Timurid" saber from Samarkand. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, Vol. 18, № 5, pp. 125–145.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego Srednevekov'ya. In: Voennoe delo nomadov Severnoi i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk:NGU, 2002, pp. 106–168.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i ranego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008, 776 p.

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie. M.: OOO Vostochnyi gorizont, 2002, 84 p.

Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya. Vol. 1. M.: Nauka, 2003, 448 p.

Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitaiskie i mongol'skie istochniki. Vol. 3. M.: Nauka, 2009, 336 p.

Ibyatov F. M. Tokhtamysh i Timur. Znachenie bulgaro-tatarskogo faktora v krupneishei voennoi epopee XIV veka. Kazan': Iskusstvo Rossii, 2003, 403 p.

Iazdi Sharaf ad-Din Ali. Zafar-name. Tashkent: SANAT, 2008, 486 p.

Kostyukov V. P. A few comments on Timur's campaign in 1391. *Turk-Tatar World*, 2010, № 3, pp. 172–183.

Kushkumbaev A. K., Bobrov L. A. Mongol'skaya taktika vedeniya stepnogo boya. In: Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni. Astana: IP BG-print Publ., 2013, pp. 5–47

Mirgaleev I. M. Voiny Tokhtamysh-khana s Aksakom Timurom. Kazan': Institut istorii AN RT, 2003, 88 p.

Mirgaleev I. M. Materialy po istorii voin Zolotoi Ordy s imperiei Timura. Kazan': Institut istorii AN RT, 2007, 108 p.

Mirgaleev I. M. Bitvy Tokhtamysh-khana s Aksak Timurom. In: Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Kazan': OOO Foliant, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011, pp. 170–182.

Plano Karpini. Istoriya mongolov. M.: TAUS, 2008, 96 p.

Ru Zh.-P. Tamerlan. M.: Molodaya gvardiya, 2004, 296 p.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. *Islamic Arms and Armour*, 1979, pp. 38–63.

Kadoi Y. On the Timurid Flag. *Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie*. Band 2, 2010, pp. 143–162.

Nicolle D. The Age of Tamerlane. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1990, 63 p.

Roux J.-P. Tamerlan. Paris: Fayard, 1991, 304 p.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, Vol. 2. 572 p.

Материал поступил в редакцию

Received

15.06.2021

Информация об авторе / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116